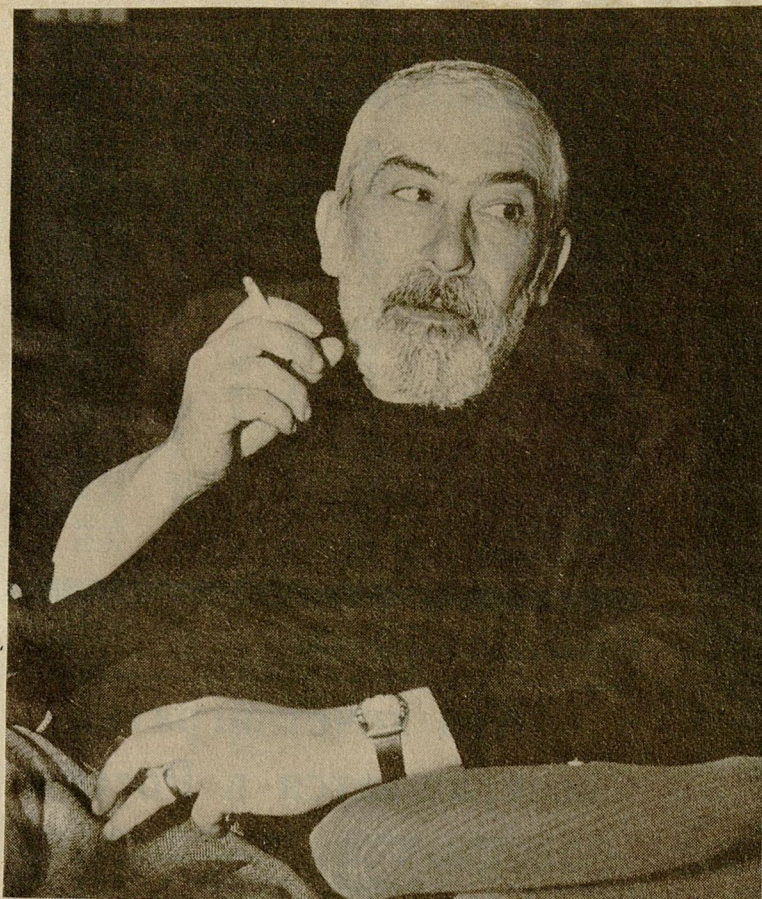

Клубные встречи

Почти четыре года он не бывал в Москве, не покидал Грузию: считал неуместным гастролировать и петь, когда родной край переживает тревожные времена. Творческая необходимость заставила приехать в столицу теперь уже иного государства. Сам он по-прежнему светел и полон добра, открыт друзьям и знакомым, искренен и щедр душой, народный артист Грузии, лауреат Государственной премии СССР Вахтанг КИКАБИДЗЕ, общий любимец Буба.

**Вахтанг (Буба)
КИКАБИДЗЕ:**

Веч. клуб. - 1993. - 24 июля - с. 7

"В Москве у меня столько друзей, что здесь нужен бронированный желудок"

— Как жили эти годы, Вахтанг Константинович?

— В пору правления Звиада Гамсахурдиа меня пытались втянуть в политические игры, даже навязывали начальственный пост, я все это решительно отверг. Приближенные Звиада, его идеологи старались меня очернить: «Кикабидзе — враг народа, он поет по-русски»; пускали слух, будто я хожу по Тбилиси в маске с автоматом и стреляю в своих сводободлюбивых сограждан... Чушь все это.

— Как приняли вас в Москве?

— Ох! У меня тут столько друзей, что нужен бронированный желудок, дабы выдерживать московское гостеприимство!

— Разрешите мои давние сомнения. Такое красивое, поистине царское имя — Вахтанг. Почему же вы Буба?

— На одном концерте объявили: «Поет Вахтанг Кикабидзе». После выступления ко мне подошли зрители: «Вы не родственник Бубы Кикабидзе? Так похожи...». Я отвечал: «Даже не однофамилец!». В Сванетии есть гора Буба; в переводе со сванского это означает «главный в доме», так издавна называют у нас самого младшего в семье. Так и меня называли мама, солистка первого в Грузии джаз-оркестра (кстати, она из знаменитого царского рода Багратиони), и отец, журналист, погибший в 1942 году на фронте Великой Отечественной (между прочим, он здорово пел, чудесный баритон).

— Словом, вы пошли на сцену и в литературу по стопам родителей.

— Но в отличие от них не получил ни театрального, ни литературного, ни кинематографического, ни музыкального образования. Окончил лишь 10 классов и один курс иняза. Рос за кулисами маминого джаза. Школьник попробовал спеть в самодеятельности, сказали: «Ого, какая у тебя глотка, слушай!». Поступил в Тбилисский иняз, затем явился на прослушивание в филармонию. Там меня

сразу забраковали: тембр голоса «не тот». Но один ушлый администратор немедленно подцепил и уговорил поехать с бригадой артистов в турне. Я поехал — и был за этот прогул отчислен из института, со второго курса. И все же настоял на своем, поступил в филармонию солистом — в 1959 году.

— И вступили в ансамбль «Орэра»?

— Не так резво! Сначала в ансамбль «Дизло». И снялся в фильме «Встреча в горах». Ждал, что станут еще снимать, но не звали. «Значит, ты не кинодарование», — сказал я сам себе. И не унывал. Вот тогда и вступил в вокальный квартет «Орэра», а поскольку был еще и ударником (барабан, литавры), то предложил: «Давайте не только петь, но и играть». Так в 1966 году родился вокально-инструментальный «Орэра», который с успехом и помпой выступал на пяти континентах.

— Но в кино-то вы все же вернулись.

— Позвонила однажды Нани Брегадзе: «Тебя ищет Георгий Данелия!». Он прочил меня на главную роль в картину «Не горюй!». Данелия терзал меня кинопробами целый месяц, это был какой-то кошмар! И я ему не понравился... Что ж, «Орэра» едет на гастроли в Стамбул, я говорю себе: «Не горюй!». На берегу Босфора меня догоняет телеграмма: «Утвержден на роль, такого-то числа должен быть на съемках». Из-за этих съемок я не смог поехать в кругосветное путешествие, в ходе которого снималась кинолента «Орэра», полный вперед!». Эпизоды со мной пришлось после отдельно доснимать в Батуми.

— Вахтанг Константинович, такое впечатление, что вы чувствуете себя перед кинокамерой, как рыба в воде.

— Да, сниматься мне почему-то легко, даже чересчур. Это для меня словно забава какая-нибудь, а ведь съемки — серьезное дело. Наверное, потому, что играю я только себя в предлагаемых обстоятельствах и ситуациях.

Но играть предпочитаю людей добрых, так как (точно знаю!) сам я добрый человек.

— Познакомьте читателей с вашей семьей.

— Жена — Ирина Григорьевна Кебадзе, балерина с почетным творческим титулом. И сын Костя — наречен так в честь моего отца. Когда-то я пришел в школу к Косте в первый класс, дети кинулись ко мне: «Буба, Буба!», и Костя расстроился, даже расплакался: он-то уверял их, что его папа — шофер, то есть гораздо значительнее, чем артист. С тех пор я его больше в школе не подводил.

— Каковы ваши взаимоотношения со спортом?

— До сих пор не прочь погонять мяч. Болею, естественно, за тбилисское «Динамо». Весьма удачливый рыболлов: если иду удить, считайте, дом обеспечен рыбой. Стараюсь сам сниматься в трюковых эпизодах. В кинофильме «Я следователь» каскадер отказался взбираться на борт вертолета по 25-метровому канатному трапу; заявил, что это слишком опасно, страховки никакой, а высота — с восьмизатяжным дом. Пришлось мне самому лезть вверх-вниз, причем не один раз, а восемь, потому что режиссеру приспичило отснять 8 дублей.

— Обилие друзей в Москве, наверное, не только обременительно для желудка, но и поддерживает в трудную минуту?

— Конечно! Это я так сказанул, для красного словца... Знаете, в семьдесят девятом году я здорово заболел, была опасная опухоль. Спасибо московским медикам, особенно нейрохирургу, профессору Александру Николаевичу Коновалову, который меня виртуозно оперировал и буквально вернул к жизни!.. Так вот, пока я находился в больнице, там перебивало пол-Москвы. Сотрудники лечебницы говорили: «Надо было раньше положить к нам Бубу — сколько актеров сразу увидели бы!».

— А есть у вас роль-мечта, до сих пор не сыгранная?

— Признаюсь, есть. Дон Кихот Ламанчский. Вообще-то я его немного сыграл — и в «Не горюй!», и в «Мимино». Но по-настоящему как такового не довелось. Не от меня зависело. Скорее всего уже не удастся: Кахи Кавсадзе изобразил его в телефильме прекрасно.

— Но, хочется надеяться, вы не горюете?

— Нет, я все время начинаю что-нибудь новое. Подготовил вместе с друзьями, композитором и поэтом, серию тбилисских шансон: певческие новеллы о людях старинных кварталов. Например, «Песню последнего фаянщика». Написал серию микросценариев, хочу снимать восемь киноновелл, объединенных общим названием «Грузины по-грузински» с юмором, с самоиронией.

Это будут микронovelлы типа уже снятого мной «Обеда по-грузински». Крупным планом — стол, накрытый (судя по количеству продуктов) человек на десять, но обеденный прибор всего один. Перед столом стоят три женщины: мать хозяйна дома, его жена и дочь. Слышны его шаги (почти «шаги командора», тяжелые, мрачные; не шаги, а поступь). По мере их приближения женщины съеживаются. Входит глава семьи — суровый, усталый, с портфелем в руке. Окидывает пристальным взглядом стол. Обращается к жене: «Тамара, принеси лестницу!». Жена бежит, притаскивает стремянку. «Тамара, лезь. Лезь выше! Еще выше!». Она выполняет приказ, тихим голосом сообщает: «Выше уже некуда». «Тогда посмотри оттуда, — велит глава семьи. — Где соль?».

В таком духе. Народ, умеющий шутить над собой, — здоровый народ. Очень хочется снять эти восемь новелл. А почему не сделать, если очень, очень хочется?

— Вахтанг Константинович, серьезный вопрос: если кто-то своим поведением, поступками вызывает у вас антипатию, как вы реагируете?

— Прекращаю всякое общение. Я могу простить неловкий шаг, недомыслие, даже обидный поступок женщины, ребенка. Но с мужчины спрос иной, мужчина должен уметь отвечать за свои действия. Мужчинам подлость, трусость и корыстную ложь не прощаю.

Интервью взял
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.